

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Психоаналитическая концептуализация психопатологии лидера деструктивного культа на примере персонажа художественного романа «Риф» Алексея Поляринова

Ю. А. Камалетдинов

Камалетдинов Юрий Александрович – психоаналитически ориентированный психотерапевт, организационный консультант, руководитель направления организационного дизайна в Группе компаний «Полюс».

Лидеры деструктивных культов (сект), например Чарльз Мэнсон из секты «Семья» или Джим Джонс из секты «Храм народов», привлекают к себе большое внимание и интерес как со стороны широкой общественности и популярных средств массовой информации, «смакующих» истории культов и их основателей как своего рода реальные триллеры или фильмы ужасов, так и со стороны психологов и психиатров, пытающихся проанализировать личности лидеров культов, концептуализировать их психопатологию, выявить причины ее происхождения. В настоящей статье исследуется возможность концептуализации психопатологии лидеров деструктивных культов с позиций психоаналитической теории, с опорой на концепции Эриха Фромма, Герберта Розенфельда, Андре Грина, Отто Кернберга, Дональда Вудса Винникотта, Хайнца Кохута, Анны Фрейд и других известных психоаналитиков, а также на труды исследователей культов и терапевтов, непосредственно работавших с жертвами культов, таких как Даниэл Шоу, Стивен Хассан, Филип Зимбардо, Голднер-Вуков, Мур и других. Возможность применения психоаналитических взглядов для концептуализации личности лидера культа проиллюстрирована посредством анализа личности Юрия Гарина – вымышленного персонажа художественного романа «Риф» современного российского писателя Алексея Поляринова. Статья может быть интересна психологам и психотерапевтам, исследующим культы или занимающимся реабилитацией жертв культов, студентам психологических факультетов и психоаналитических институтов, а также всем лицам, заинтересованным в данной теме.

Ключевые слова: психоанализ, лидер культа, деструктивный культ, секта, характерологическая психопатология, злокачественный нарциссизм, деструктивный нарциссизм, патологический нарциссизм, ложная самость, контроль сознания.

Прежде чем сделать попытку формирования психоаналитической концептуализации психопатологии лидера деструктивного культа, на наш взгляд, необходимо договориться о терминах, а именно уточнить, что мы имеем в виду, говоря о «деструктивном культе». В научной литературе существует большое количество различных определений понятия «деструктивный культ», при этом для обозначения понятия также используются термины «секта» или просто «культ». Далее по тексту статьи термины «деструктивный культ», «культ» и «секта» используются как полные синонимы.

Одним из наиболее емких и точных определений культа нам показалась формулировка, представленная в работе Чемберс и коллег (*Chambers et al.*, 1994, p. 89): «Культы – это... группы, которые эксплуатируют своих участников психологически и/или финансово, как правило, заставляя членов группы подчиняться требованиям руководителя путем применения определенных типов психологических манипуляций, обычно называемых "манипуляцией сознанием", а также посредством формирования глубоко укореняющейся тревожной зависимости от группы и ее лидеров». Данное определение выделяет практики психологического насилия, глубокой индуцированной зависимости членов культа от лидера как ключевые для понимания природы культа. Центральную роль фигуры лидера для терминологического определения деструктивного культа подчеркивает и Дэниел Шоу, который в течение десяти лет был членом секты «Сиддха-йога», а в настоящее время является психоаналитически ориентированным психотерапевтом и консультантом по выходу из культов. «Секта, – говорит Шоу, – это группа, возглавляемая человеком, который прямо или опосредованно заявляет, что достиг человеческого совершенства; или, в случае религиозной секты, это – тот, кто заявляет о единстве с божественным и поэтому требует для себя отмены социальных или моральных ограничений и запретов» (*Shaw*, 2003, p. 2). Согласно Шоу, изучение психопатологии лидера культа играет ключевую роль для понимания всей системы функционирования культа («без лидера культа нет и культа» (*Shaw*, 2003, p. 2)), а также для понимания индивидуальных психологических особенностей членов культа, особенностей травматического воздействия и подходов к дальнейшей терапии жертв культов.

Исследование психопатологии лидеров деструктивных культов с позиций психоаналитической теории, на наш взгляд, необходимо начать с основополагающего вопроса: «Действительно ли лидеры культов являются обладателями какой-либо характерологической психопатологии, которая предопределяет деструктивный характер их мышления и поведения, или же они относятся к условной психологической "норме" и действуют скорее как руководители корпораций, т. е. системно и осознанно используют набор "управленческих практик", направленных на обеспечение доходов для "бенефициаров" культов, реализацию политических, социальных или других реальных целей культа?»

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к мнению ведущих исследователей культов, а также психологов, работающих с жертвами культов. Все авторы, работы которых мне довелось изучить

(*Shaw, 2003; Zimbardo, 1997; Hochman, 1990; Salande, Perkins, 2011; Hassan, 1988; Goldberg, 1997*), соглашаются с тем, что лидеры культов действительно используют набор «управленческих практик» – в частности, используют техники психологической манипуляции («контроля сознания»), такие как запугивание и унижение, добиваясь от жертв полного подчинения, что позволяет лидерам и бенефициарам культов присваивать финансовые накопления и имущество членов культов, использовать членов культов как бесплатную рабочую силу или как безропотных исполнителей каких-либо других задач.

В больших, хорошо организованных культах такие техники применяются осмысленно и системно. Ярким задокументированным примером сознательного использования техник контроля сознания в культе является культ «Церковь объединения», чьи практики рекрутинга, индокрикации и удержания членов были детально описаны Стивеном Хассаном (*Hassan, 1988*). Однако лидеры многих не таких больших и менее «профессионально» организованных культов вряд ли специально обучаются техникам контроля сознания и действуют скорее «по наитию», бессознательно. Они ведут себя типично для патологических нарциссов, т. е. людей, которые отличаются, среди прочего, паранойей и манией величия. Контроль сознания – это систематическое применение техник доминирования, порабощения и контроля, которые могут быть очень похожи на естественное поведение насильников в ситуации домашнего насилия по отношению к партнерам и/или детям (поведение патологических нарциссов).

Зейдерс и Девлин (*Zeiders, Devlin, 2019*) в своей работе, посвященной исследованию нарциссических лидеров, предоставили следующее описание характерных особенностей патологического, «злокачественного» нарцисса на лидерской позиции в религиозной организации: «Он будет харизматичен и великолепен, в совершенстве овладеет ораторским искусством и приобретет собственных последователей. Он станет обожаемым защитником группы недовольных, ищущих признания в мире, населенном "врагами". Он будет использовать убедительные теологические объяснения, чтобы беспричинно и садистически ранить оппонентов своей "божественной" программы. Его последователи будут продолжать делать членские взносы и любить его. Его грандиозность введет их в заблуждение, заставив думать, что провидение удостоило его способности никогда не ошибаться. Будучи излишне самоуверенным, он будет участвовать в преступных действиях, и, когда его привлекут к ответственности, продемонстрирует свирепую паранойю. Чтобы сохранить свое наследие и избежать ответственности, он обвинит бывших союзников, сбежит или покончит жизнь самоубийством. Если он покончит с собой, он будет изображать этот последний разрушительный акт как своего рода победу. В некоторых случаях злокачественный нарциссический лидер побуждает последователей к совместному суициду. Это особенно справедливо для тех случаев, когда деструктивный лидер культивирует апокалиптическую паранойю среди последователей» (*Zeiders, Devlin, 2019, p. 2*).

Великие умы в психологии интересовались этим характерологическим отклонением. После Второй мировой войны психоаналитик Эрик Фромм ввел термин «злокачественный нарциссизм» и описал его как тяжелое психическое заболевание, которое представляет собой «квинтэссенцию зла» (*Fromm, 1964, p. 33*). Фромм использовал понятие зла, заимствованное у богословов, как референт для социально злокачественной власти, мотивированной ненавистью, которая может привести к террору, ужасу и смерти. Он закрепил ярлык «злокачественный нарцисс» для напыщенных, харизматических лидеров, чья психопатология объясняла интенсивную деструктивность, пожирающую врагов, сторонников и самих людей. Описывая последствия мировых войн, когда геноцид и всеобщая вражда завершились ядерным опустошением, Фромм предположил, что за этими бедами стояли «негативные провидцы», поглощенные влечением к смерти, или некрофилы. Это были злокачественные нарциссы, «корень самой порочной деструктивности и бесчеловечности» (*Fromm, 1964, p. 33*).

Другие психоаналитики отмечали, что эта злокачественная форма нарциссизма построена на агрессии и идеализирует деструктивные аспекты личности. Герберт Розенфельд, немецко-британский аналитик и последователь Мелани Кляйн, писал, что при деструктивной форме нарциссизма Эго сливается с агрессивным, идеализированным образом самого себя и окружает себя чувством собственного величия, выраженным в самоочевидно «добродетельном» насилии (*Rosenfeld, 1971*). Андре Грин в своей работе «Нарциссизм жизни, нарциссизм смерти» (*Green, 1983*) говорит о «негативном» нарциссизме, который, по его мнению, выполняет «деобъектуализирующую» функцию для достижения нулевого уровня при разрушении объектных отношений, атакуя процесс объектуализации, а не сам объект. Процесс, который он описывает, почти идентичен выводам Розенфельда о том, как работает деструктивный нарциссизм, а именно: он направлен против либидинальных и зависимых связей или близости субъекта и объекта, в том числе первичного объекта.

Отто Кернберг (*Kernberg, 1976*) описал злокачественных нарциссов как глубоко нарциссических и преступных. В частности, Кернберг выделил наиболее характерные черты злокачественных нарциссов, предложив четырехпараметрическую структурную концепцию личности: нарциссическое расстройство личности (НРЛ) с преобладающим чувством собственного величия, антисоциальными чертами, эгосинтонным садизмом и паранойей.

Джордж Поллок (*Pollock, 1978*), профессор психиатрии, преподававший в Северо-Западном университете (США), охарактеризовал злокачественного нарцисса как актера, который проявляет болезненную претенциозность, аморальность и неконтролируемое поведение с чертами садизма. Его определение по сути аналогично определению Кернберга, что указывает на согласованность заключений различных исследователей.

Более недавнее рецензируемое исследование этой патологии было проведено Милой Голднер-Вуков и Лори Джо Мур в 2010 году (*Goldner-Vukov, Moore, 2010*). Подтверждая кернберговскую четырехпараметрическую структурную концепцию личности, они определили четыре

критерия, существенных для кернберговской модели злокачественного нарциссизма:

1. Нарциссическое расстройство личности: «ключевые особенности НРЛ, которые распознаются при злокачественном нарциссизме, – это амбициозное чувство собственной важности, озабоченность фантазиями безграничного успеха, чувство силы и гениальности, вера в то, что вы особенные или уникальные, сильная потребность в чрезмерном восхищении, избалованность, межличностная эксплуатация, неспособность сопереживать и явная зависть» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*);

2. Антисоциальные черты: «[злокачественные нарциссы] презирают социальные условности и демонстрируют: склонность лгать, воровать и неумело распоряжаться деньгами. Они могут совершать кражи со взломом, нападения или убийства, и они могут даже стать лидерами садистских или террористических групп. Они способны чувствовать беспокойство и преданность по отношению к другим, но в первую очередь это касается их учеников или «слепых» последователей. Они понимают, что у других есть моральные проблемы, но они легко рационализируют свое антиобщественное поведение» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*);

3. Эгосинтонный садизм: «люди со злокачественным нарциссизмом склонны разрушать, символически кастрировать и дегуманизировать других. Их гнев подпитывается жаждой мести» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*);

4. Склонность к паранойе: «склонность к паранойе у злокачественных нарциссов отражает их проекцию неразрешенной ненависти на тех, кого они подвергают травле» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*).

Когда эти четыре элемента злокачественного нарциссизма объединяются в едином лидере, возникает портрет чудовищной личности, подвергающей опасности свою организацию. Сэм Вакнин (*Vaknin, 2016*), израильский эксперт по психопатическому нарциссизму, опираясь на концепцию «ложной самости», впервые предложенную Д. В. Винникоттом (*Winnicott, 1960*), пишет: «Злокачественный нарцисс изобретает, а затем проецирует ложную, вымышленную самость, чтобы заставить весь мир бояться или восхищаться им. У него с самого начала присутствует слабое понимание реальности, что еще больше усугубляется атрибутами власти. Амбициозный самообман и фантазии нарцисса о всемогуществе и всеведении поддерживаются авторитетом в реальной жизни и склонностью нарцисса окружать себя подобострастными льстецами» (*Winnicott, 1960, p. 56*).

Личность нарцисса настолько ненадежно сбалансирована, что он не может терпеть даже намек на критику и несогласие. Большинство нарциссов параноики и страдают от бредовых идей отношений (заблуждение, будто их высмеивают или обсуждают, когда на самом деле это не так). Таким образом, нарциссы часто считают себя «жертвами преследований». Нарциссический лидер стимулирует и поощряет культ личности со всеми признаками организованной религии: священство, обряды, ритуалы, храмы, поклонение, катехизис, мифология. «Лидер – аскетический святой в этой религии. Он по-монашески отказывает себе в земных удовольствиях

(по крайней мере, он так утверждает), чтобы иметь возможность полностью посвятить себя своему призванию. Нарциссический лидер – это перевернутый образ Иисуса, жертвующего своей жизнью и отвергающего себя во благо своих людей – или человечества в целом. Превосходя и подавляя свою человечность, нарциссический лидер становится искаженной версией "сверхчеловека" Ницше» (*Zeiders, Devlin, 2019, p. 14*).

Шоу (*Shaw, 2003*), придерживаясь портрета патологического нарцисса, описанного Кохутом (*Kohut, 1976*), предположил, что лидер культа во многом зависит от фанатичной преданности последователя. Эта зависимость глубоко постыдна для лидера культа, потому что вследствие травмирующих аспектов его собственной истории развития любая зависимость означает для него презренную слабость и унижение. Травма, полученная в ходе развития и становления личности, у тех, кого в более позднем возрасте можно назвать патологическими нарциссами, как правило, состоит в том, что их воспитывают родители или другие лица, осуществляющие уход, в условиях крайнего доминирования и контроля, сопровождаемых повторяющимися переживаниями стыда и унижения. Патологический нарцисс отождествляет себя с этой агрессией и начинает ненавидеть и презирать свою зависимость, приравнивая ее к слабости. Маниакально защищаясь от лишений и унижений, он приходит к убеждению, что ему никто не нужен, что он может доверять только себе, что те, кто зависит от других, слабы и презренны. Таким образом, лидер культа, в значительной степени бессознательно, компенсирует свою неспособность доверять другим и полагаться на них и защищает себя от сильного стыда, который, как он чувствует, связан с потребностями и зависимостью, получив контроль над своими последователями, сначала посредством соблазнительных обещаний безусловной любви и принятия, а затем через запугивание, стыд и унижение. Это способствует формированию зависимости у последователя, и лидер культа, таким образом, старается отказаться от своей собственной зависимости, которую он считает гадкой и постыдной. Используя психологические методы соблазнения, а затем применяя физическое и моральное насилие по отношению к последователю, превращая его в человека, испытывающего постыдную зависимость, лидер культа сохраняет свое превосходное положение и может иллюзорно хвастаться тем, что полностью освобожден от всех мелких, мирских привязанностей. Эти процессы подчинения других и побуждения других к тому, что человек ненавидит и пытается отрицать в себе, являются крайними формами маниакальной защиты от позорной зависимости.

Фактически лидер культа не избегает зависимости. Вместо этого он попадает в зависимость от своих последователей, которые поклоняются ему и обожают его, отражая для него его нарциссическое заблуждение о совершенстве, как это делает зеркало Злой Королевы в сказке о Белоснежке. Один из возможных сценариев – это извращение зависимости, наблюдаемой в том случае, если лидер культа заявляет, что, поскольку ему ничего не нужно, он имеет право на все. Таким образом, лидеры культов, утверждающие, что они чисты и совершенны, без какой-либо нужды или привязанности, используют маниакальную защиту, чтобы рационализировать

и оправдать свою зависимость от экстравагантных и пышных атрибутов, таких как троны, автопарк роллс-ройсов и сбережения своих богатых последователей (*Shaw, 2003*).

Для лидера культа его способность вызывать полную зависимость у последователей служит поддержанию и усилению отчаянно необходимой ему иллюзии идеального, всемогущего контроля. У многих лидеров культа (например, Сёко Асахары (*Lifton, 1999*)) растворение их иллюзии всемогущества обнажает глубинное ядро психоза. Поддержание иллюзии всемогущества и совершенства для лидера культа является маниакальной попыткой предотвратить психическую фрагментацию. Опять же, полезно учитывать, что этот вид патологического нарциссизма и защитной мании часто наблюдается у людей, чье детское развитие контролировалось чрезвычайно доминирующими, часто садистическими опекунами или чье развитие характеризовалось травматическими переживаниями сильного унижения. Лидеры культов затем создают тщательно продуманные обоснования для своих агрессивных систем, подсознательно формируя эти системы по образцам своего собственного опыта жестокого обращения.

Лидерам культов удастся доминировать над своими последователями, потому что они овладели жестоким искусством эксплуатации универсальной человеческой зависимости и потребности в привязанности к другим. Длительный период зависимости в процессе человеческого развития, способность родителей, как богоподобных фигур, буквально давать жизнь и поддерживать жизнь своих детей, остается у каждого человека в виде воспоминаний, отдаленных или бессознательных, о полной зависимости. Лидеры сект подключаются к этой части человеческой психики и повторно активируют ее. Последователей поощряют регрессировать и инфантилизировать, полагая, что их жизнь зависит от того, чтобы доставить удовольствие лидеру культа. Лидеры культов зависят от их способности привлекать людей, часто проживающих критические этапы своей жизни, сбитых с толку, недовольных, находящихся в поиске. Лидеры культов обычно находят множество способов подорвать независимость таких людей и их способность мыслить критически (*Shaw, 2003*).

В религиозном культе лидер воспринимается как божество, которое всегда праведно подобно богу, а член культа, всегда находящийся на грани греховной ошибки, живет с единственной целью – доставить удовольствие гуру/богу и избежать его недовольства. Недовольство лидера означает для члена секты, что он недостойн, чудовищно неполноценен и, следовательно, незначителен. Последователи культа приучаются верить, что потеря «благодати» лидера равносильна потере какой-либо ценности, доброты или правоты в себе. По мере того как член культа все больше погружается в деятельность культа, возрастает его беспокойство о том, чтобы сохранить репутацию хорошего последователя. Это беспокойство сродни сильному страху, беспомощности, потере контроля и угрозе уничтожения, которые Герман в своем обсуждении психологического доминирования описывает как возникающие и у жертв террористов, и у супругов, которые подвергаются физическому насилию со стороны партнера:

«Конечный результат этих методов – убедить жертву в том, что преступник всемогущ, что сопротивление бесполезно и что ее жизнь зависит от получения его снисходительности посредством абсолютного подчинения. Цель преступника – внушить своей жертве не только страх смерти, но и благодарность за то, что ей позволено жить» (*Herman, 1992, p. 77*).

При распространении данной формулировки на лидеров и последователей культов, лидер культа воспринимается как человек, который должен отказаться от своей зависимости и избавиться от страха перед психическим растворением, что ему удастся в той мере, в какой он способен вызвать эту зависимость и страх у своего последователя. Блаженство, которое часто проявляют члены культа, скрывает их страх потери интереса со стороны лидера, что для последователя равносильно «самому худшему, что может случиться».

Стимулом Герман к написанию книги «Травмы и исцеления» стало желание «показать общие черты между людьми, пережившими изнасилование, и ветеранами боевых действий, между женщинами, подвергшимися побоям, и политическими заключенными, между выжившими в крупных концентрационных лагерях, созданных тиранами, правящими народами, и оставшимися в живых в маленьких, скрытых концентрационных лагерях, созданных тиранами, которые правят в своих домах» (*Herman, 1992, p. 3*).

Тираны, правящие культами, подвергают своих последователей аналогичным надругательствам.

Подводя промежуточный итог с психоаналитической точки зрения, можно сказать, что лидер культа бессознательно переживает свои потребности в зависимости как настолько постыдные, что порождает иллюзию собственного всемогущества, помогающую предотвратить невыносимое чувство стыда. Для патологического нарцисса, который бессознательно знает, что он подвержен крайнему унижению («умереть от стыда»), крайне важно поддерживать иллюзию всемогущества. Маниакальные защитные механизмы помогают поддерживать это заблуждение, но, помимо этого, последователей необходимо соблазнять и контролировать, чтобы отвратительную зависимость можно было экстернализовать, воплотить в других и, таким образом, сделать ее контролируемой. Затем лидер может выразить свое бессознательное самоуничижение через «сострадание» (часто слегка замаскированное презрение) к слабости своих последователей. Маниакально заявляя о собственном совершенстве, лидер создает для последователя программу «очищения». Склоняя последователя к сдерживанию стыда, который он проецирует и изгоняет из собственной психики, лидер культа избавляется от всякого стыда, становясь, по сути, «бесстыдным». Он определяет свое бесстыдство как просветление, освобождение или самоактуализацию. В целях поддержания своего состояния бесстыдства, от которого зависит психическое равновесие, для лидера культа становится важным отсутствие конкуренции, чтобы он один и никто другой в группе не чувствовал стыда. Таким образом, очевидно, приглашая других достичь состояния совершенства (бесстыдства), следуя за ним, лидер культа на

самом деле постоянно вовлечен в то, чтобы вызвать стыд у своих последователей, тем самым сохраняя свое господство и контроль.

Возможность применения психоаналитических концепций для анализа личности лидера культа я хотел бы продемонстрировать, представив анализ личности Юрия Гарина, персонажа романа «Риф» Алексея Поляринова (Поляринов, 2020), а также взаимоотношений Гарина с другими ключевыми персонажами романа (Кирой, Таней и Ли). Анализ проведен с использованием четырехпараметрической модели личности злокачественного нарцисса, разработанной Отто Кернбергом (*Kernberg, 1970*) и подтвержденной исследованиями Милы Голднер-Вуков и Лори Джо Мур (*Goldner-Vukov, Moore, 2010*) в качестве основной, системообразующей концепции, которая при этом дополнена теориями других психоаналитических авторов.

Краткое резюме сюжетной линии данного персонажа: Юрий Гарин предстает перед читателями в качестве известного антрополога, прославившегося за исследования культуры микронезийского племени, а также уважаемого профессора в одном из американских университетов. В процессе его взаимодействия с другим ключевым персонажем Ли, поступившей к Гарину на обучение по докторской программе, выясняется, что Гарин неэтично использует труд студентов в личных целях, садистически издевается над ними, унижает, запугивает, прибегает к сексуальным злоупотреблениям. Вскрываются также этические нарушения, допущенные Гариным в рамках его исследовательской деятельности, — его действия в рамках экспедиции по изучению микронезийского племени привели к массовому суициду членов племени. Преступления Гарина становятся известными, и он бежит от следствия, исчезая более чем на 10 лет. Затем Гарин снова объявляется уже в качестве лидера подмосковной квазирелигиозной, квазилуддитской секты. Опираясь на туманные философско-психологические концепции, причудливые мифы и ритуалы, Гарин эксплуатирует образ мудрого «отца», привлекает жертв обещаниями простого решения сложных человеческих проблем, а именно предлагает «очищение» от памяти и травм прошлого, начало новой жизни «с чистого листа». Фактически члены секты попадают в физическое и психологическое рабство, занимаются тяжелейшим ручным неоплачиваемым трудом, подвергаются унижениям и пыткам, теряют свои накопления, имущество, психическое и соматическое здоровье. Бессознательные мотивы поведения Гарина обусловлены пережитыми в детстве психологическими травмами, полученными в отношениях с крайне доминирующим, садистичным отцом, внезапно исчезнувшим в попытке спастись от кредиторов (про роль матери в воспитании Гарина сведений практически нет). Главным женским героиням романа (Ли и Тане) после долгих усилий, в том числе переживания собственного опыта принудительного «обращения» в сектанты, удается дискредитировать Гарина перед властями и общественностью, после чего тот повторно бесследно исчезает.

Далее приведен анализ личности Юрия Гарина по четырем параметрам модели злокачественного нарцисса, предложенной Кернбергом (*Kernberg, 1970*).

Параметр 1. «Нарциссическое расстройство личности». В определенный период своей жизни Гарин – самый известный ученый и преподаватель в одном из крупных американских университетов, прославившийся своими антропологическими исследованиями в Микронезии. Более того, его считают талантливым организатором, поднявшим научный рейтинг университета, получившим множество грантов. Гарина боготворят и боятся студенты и другие преподаватели. Ходят легенды о его неутомимости, способности работать по семь дней без сна. Позже члены секты, организованной им в России, обожествляют Гарина, называют «отцом». Гарин верит в свою исключительность, гениальность, испытывает сильнейшую потребность в восхищении им сначала со стороны студентов, профессоров, научного сообщества, позже – со стороны членов своей секты. Как в университете, так и в своей подмосковной общине Гарин формирует культ собственной личности, вводя признаки организованной религии: специфические ритуалы, свод нерушимых правил (за нарушение которых следует жестокое наказание), мифологию и поклонение. Слава, поклонение и власть обеспечивают подпитку мощнейших нарциссических защит Гарина, вероятно защищающих его личность от распада и психоза вследствие пережитых в детстве травм (в частности, постоянных «воспитательных» унижений со стороны отца и главного унижения – объявления его отца лжецом и мошенником, сбежавшим от кредиторов и бросившим жену и сына без средств к существованию). Идея наличия глубинного психотического ядра в личности патологического нарцисса прослеживается в работах Шоу и Лифтона (*Shaw, 2003; Lifton, 1999*), посвященных исследованиям сект. Гарин должен поддерживать иллюзию собственной грандиозности, гениальности, исключительности любой ценой, чему «способствуют» его антисоциальные черты.

Параметр 2. «Антисоциальные черты». Чтобы обеспечить себе славу и власть, Гарин постоянно переходит нормы общепринятой общественной морали, профессиональной этики и закона. Все его достижения основаны на злоупотреблениях, обмане и преступлениях. Данные для своего знаменитого исследования культуры микронезийского племени Гарин получает, спаивая туземцев, и фактически вызывает массовый суицид членов изучаемого племени. Научные успехи Гарина основаны на постоянной жестокой эксплуатации «рабского» труда студентов (студенты, вместо того чтобы работать над своими собственными диссертациями, все время тратят на личные исследования Гарина). Гарин также эксплуатирует студентов в сексуальном смысле, тем самым нарушая установленные этические нормы и правила университета. Лидерство Гарина в руководящих кругах университета основано на интригах и запугиваниях других профессоров и несогласных с его методами студентов. Влияние Гарина на его приближенных студентов основано в том числе на выведывании их тайн, «болевых точек» (в процессе так называемых групповых встреч по сплочению команды) и впоследствии использовании полученных личных сведений для манипуляции своими подопечными. Его лидерство в подмосковной общине основано, среди прочего, на жестоких унижениях и пытках членов общины. При этом Гарин постоянно рационализирует свои

злоупотребления и преступления, например спаивание членов микронезийского племени и подталкивание их к нарушению табу, приведшему к массовому суициду: Гарин объясняет это необходимостью собрать нужные ему для исследования данные; в организованной Гариным подмосковной секте пытки людей в земляной яме, а также неоплачиваемую эксплуатацию членов общины на сельскохозяйственных работах Гарин объясняет желанием помочь им стереть прошлое, обновиться и начать новую жизнь. Хорошей иллюстрацией антисоциальных черт личности Гарина является его фотография, где он, издевательски улыбаясь, как бы «держит на ладони» ужасающую разлагающуюся тушу кита (как на отпускных фото, где люди «держат на ладони» заходящее солнце). То, что у человека с невротическим уровнем функционирования (без антисоциальных черт) вызвало бы страх, отвращение, жалость, печаль, у Гарина, презирающего социальные условности, вызывает только улыбку и издевку. Нужно отметить, что антисоциальные черты Гарин мог унаследовать от своего отца (посредством механизма трансгенерационной передачи), который был лжецом и вором, набравшим колоссальное количество долгов и после этого бесследно исчезнувшим.

Параметр 3. «Эгосинтонный садизм». Гарин постоянно проявляет свое желание разрушать, символически кастрировать, дегуманизировать других людей. В начале своей карьеры он предаёт, подставляет своего научного руководителя. Далее в своей роли исследователя-антрополога Гарин заставляет туземцев нарушить табу племени, страдать от невыносимого стыда и совершить суицид. В своей роли преподавателя и научного руководителя в университете Гарин садистически издевается над своими студентами, заставляет их работать без сна, употреблять в пищу только бананы, выполнять его неправомерные требования и поручения. Он регулярно наказывает студентов отвержением, молчанием, выставляет из машины на трассе, при этом никогда не объясняет, за что полагается наказание, заставляя студентов чувствовать себя «раздавленными», униженными, лишенными каких-либо ориентиров. Подобное поведение Гарина очень похоже на поведение реального лидера секты «Сиддха-йога», в деталях описанного Шоу (Shaw, 2003). Один из студентов Гарина, над которым издевались больше всего, в результате кончает жизнь самоубийством. В своей роли лидера подмосковной секты Гарин использует не только приемы психологического садизма, но также и физический садизм, например помещение людей в земляную яму, обливание ледяной водой и хлоркой и проч. Вероятно, садистические компоненты личности Гарина образовались в детстве вследствие использования маленьким Юрием защиты «идентификация с агрессором», описанной Анной Фрейд (Freud, 1966). Известно, что отец Гарина был жестоким и доминирующим, использовал методы унижения для «воспитания» ребенка, например выставлял его из машины на трассе далеко от дома и заставлял пешком идти домой. Идентификация с агрессором позволила маленькому Юрию интроецировать агрессивные, садистические компоненты личности отца, чтобы через это получить некоторый (пусть и иллюзорный) контроль и справляться с

колоссальной тревогой, вызываемой таким обращением со стороны первичного объекта.

Параметр 4. «Склонность к паранойе». Гарин показывает выраженные признаки параноидальности. В роли профессора в университете он систематически заносит других преподавателей и студентов в перечень своих «врагов» и постоянно расширяет данный список. Он также заставляет своих студентов совместно снимать жилье только друг с другом, а не с посторонними студентами, так как опасается вторжения посторонних людей в его периметр влияния. В качестве лидера подмосковной секты Гарин культивирует параноидальное мышление и поведение среди членов общины, указывая им на желание внешнего «греховного» мира вторгнуться и разрушить общину.

Приведенный выше анализ личности Юрия Гарина с использованием четырехпараметрической модели Кернберга, на мой взгляд, полностью подтверждает тот факт, что Гарин является «эталонным» злокачественным нарциссом, демонстрирующим полное совпадение с предложенными Кернбергом критериями по каждому из четырех параметров. Таким образом, модель, предложенная Кернбергом, оказалась хорошо применима для анализа личности лидера вымышленной секты, изображенной Алексеем Поляриновым в романе «Риф».

В дополнение следует отметить, что истоки психопатологии Гарина следует искать не только в описанном выше травматичном опыте, связанном с отцом, но и в практически полном отсутствии упоминаний о матери и ее роли в воспитании ребенка. Можно предположить, что мать Гарина, так же как и он сам, подвергалась жестокому, доминирующему обращению со стороны мужа, была эмоционально подавлена, депрессивна и вследствие этого не смогла предоставить ребенку какой-либо позитивной компенсации психологическому урону, нанесенному тому отцом. Более того, вероятное наблюдение маленьким Юрием отношений между родителями способствовало (через идентификацию с агрессором-отцом) формированию психопатологии, в частности садистических наклонностей. Стоит также отметить, что для историй жизни главных женских персонажей романа – Тани, Ли и Киры – характерна в некотором смысле противоположная ситуация: все они выросли без отцов. Автором стерты личности отцов героинь, отсутствует какое-либо описание их вклада в воспитание дочерей. Гарин активно и очень успешно эксплуатирует отцовский образ, и мы понимаем, что в психике Киры, Ли и Тани существует мощнейший дефицит отцовского я-объекта (описание концепции «я-объекта» предложено Хайнцом Кохутом (*Kohut, 1976*)). Гарин, позиционируя себя в качестве идеального я-объектного родителя, активизирует подсознательные потребности героинь в привязанности, поощряет их регрессировать и инфантилизировать, подрывает их независимость и способность критически мыслить, тем самым добиваясь полного контроля над своими жертвами.

Исследуя тему потребности Гарина в контроле над другими людьми, Шоу (*Shaw, 2003*) позволяет себе сделать предположение, что защитный механизм идентификации с отцом-агрессором являлся источником не

только садистических черт Гарина (как было описано выше), но и источником более сложного психического конфликта и способа его разрешения, свойственных патологическим нарциссам. Вследствие идентификации себя с агрессором-отцом Гарин вероятно испытывает ненависть и презрение к чувству/состоянию зависимости от других людей. Маниакально защищаясь от чувства стыда и унижения, Гарин приходит к убеждению, что он может доверять только себе, что те, кто зависит от других, слабы и ничтожны. Между тем нарциссическая сторона личности Гарина является чрезвычайно зависимой от признания, обожания других людей, нуждается в постоянной «подпитке». Данный конфликт Гарин, как и другие патологические нарциссы, решает через жесткий контроль и психическое «порабощение» своих последователей (в частности, его студентов и членов общины), тем самым как бы «переворачивая все с ног на голову» – теперь уже не Гарин «постыдно» зависит и нуждается в своей «пастве», а «паства» полностью зависит от него и нуждается в нем. Процесс подчинения и побуждения своих последователей к тому, что Гарин ненавидит и отрицает в себе, является крайней маниакальной формой защиты от постыдной зависимости.

Для порабощения своих жертв Гарин использует не только эксплуатацию отцовского образа, но также целую «палитру» инструментов психологического воздействия и контроля. Применяемые Гариным методы контроля можно систематизировать с использованием типологии методов контроля, разработанной Леоном Фестингером (*Festinger, 1956*) и затем доработанной Стивенем Хассаном (*Hassan, 1988*) для целей анализа отношений в сектах:

Метод 1. «Контроль поведения». Гарин стремится регулировать физическую реальность своих жертв. Своим студентам он указывает, с кем им можно жить в одной квартире (с другими студентами Гарина), что им можно есть (бананы), сколько спать (как можно меньше, чтобы выполнять как можно больше работы для Гарина), процесс и результаты работы студентов также жестко контролируются. Еще более жесткий контроль поведения Гарин применяет в своей секте: люди живут в уединенной, удаленной от других поселений общине, не используют блага цивилизации (например, электричество и водопровод), одеваются определенным образом; распорядок дня жестко регламентирован, все свое время сектанты занимают или тяжелым ручным трудом, или участием в общинных ритуалах. Свободного времени, необходимого любому человеку для того, чтобы осмыслить ситуацию, разобраться в себе, сектантам не предоставляется.

Метод 2. «Контроль мыслей». Как своих приближенных студентов, так и членов своей секты Гарин тщательно «обучает», транслирует им свою «доктрину». В своей подмосковной общине Гарин идет дальше и внедряет техники, направленные на прекращение мыслительной деятельности (пение, хороводы, и т. п.). Чтобы быть принятым Гариным, сектант должен мыслить в соответствии с его требованиями и ожиданиями.

Метод 3. «Контроль эмоций». Гарин внушает своим жертвам чувство вины и страха, необходимые для дальнейшей манипуляции.

Своим студентам он внушает вину за то, что они недостаточно стараются, и страх, что он выгонит их из своей «элитной» группы и испортит им научную карьеру. Страх отвержения из устоявшегося коллектива и потери карьеры силен для студентов докторантуры, так как они плохо приспособлены к жизни вне академической среды и рискуют столкнуться с высокой степенью неопределенности и тревоги. Гарин также использует откровенные высказывания студентов о своих проблемах, которые они делают во время организованных Гариным «сессий командообразования», для того чтобы в дальнейшем оказывать давление и манипулировать ими. Членам своей подмосковной секты Гарин внушает вину за расхождение их мыслей и поведения с «доктриной» общины, а также страх жестокого наказания (помещение и пытки в земляной яме) и, что более важно, – страх отвержения, изгнания из общины, что для сектантов равноценно страху возвращения всех проблем и страданий из их докультуовой жизни. Используя концепцию «магического помощника», введенную Эрихом Фроммом (*Fromm, 1965*), культ и лидер культа стали для студентов и членов общины Гарина тем самым «магическим помощником», который «отменил» их одиночество, уязвимость и безнадежность, гарантировал защиту от сомнений за счет слияния с этим «большим и могущественным целым» (*Fromm, 1965, p. 177*). Таким образом, потеря «магического защитника» вызывает огромный и непреодолимый страх у жертв Гарина. Причем из истории Ли мы видим, что страх этот не является какой-то прерогативой сектантов из сельскохозяйственной квазилуддитской общины, а может быть крайне актуален для высокоинтеллектуальных, хорошо образованных студентов докторантуры американского университета.

4. *Контроль информации.* Заставляя своих студентов работать «днями и ночами», Гарин лишает их времени и когнитивной способности критически осмысливать собственный опыт, анализировать информацию и достичь понимания происходящего с ними. Члены подмосковной общины живут в условиях полной информационной блокады, у них нет ни источников информации о Гарине и его неправомерной деятельности, ни времени, чтобы эту информацию изучать. Гарин также с успехом применяет данный инструмент контроля против общества как такового, когда с помощью специального сервиса уничтожает всю информацию о себе в цифровом пространстве, тем самым мешая людям сформировать адекватное представление о нем и его правонарушениях.

Манипуляции, контроль и злоупотребления Гарина приводят к значительному ухудшению нормального функционирования Я, образованию культистской «ложной самости» (*Winnicott, 1960*) у Тани, Ли и Киры. Героини романа показывают устойчивые, выраженные признаки диссоциации, деперсонализации/дереализации, крайней зависимости от воли и расположения Гарина, эмоциональной дерегуляции, потери способности к критическому мышлению, ослабления когнитивных функций, депрессии, серьезных соматических нарушений. Мы также видим, что жертвы в рамках своего культового опыта используют такие примитивные защитные механизмы, как расщепление (идеализация культа с одновременным

обесценением своего докультового опыта и в целом жизни вне культа), примитивная идеализация (поклонение лидеру культа как сверхчеловеку, знающему истину), отрицание (отрицание фактов злоупотреблений Гарина и наносимого им ущерба) и аннулирование (ритуалы по «очищению-стиранию» прошлого опыта, докультовых воспоминаний являются центральными в программе индоктринации, принятой в гаринском культе, поскольку Гарин сам бессознательно использует данную защиту, чтобы справиться с собственным детским травматичным опытом). Исходя из описанного выше, можно заключить, что вследствие воздействия, оказанного Гариним на психику главных героинь, у Киры, Тани и Ли активировался примитивный уровень объектных отношений и защитных операций, которые Кернберг (*Kernberg, 1976; Kernberg, 1984*) связывал с пограничным уровнем организации личности.

В заключение психоаналитического анализа личности и взаимоотношений Юрия Гарина хотелось бы отметить, что выраженность и «злокачественность» его психопатологии усиливаются по мере развития сюжетной линии романа. Если в своем университетском культе он применяет к студентам методы психологического контроля и насилия, то в подмосковной общине он использует также жестокие методы физического воздействия и подавления, аналогичные, возможно, тем, что применяются к военнопленным и подозреваемым в терроризме в военных и специальных тюрьмах, чтобы добиться от жертв быстрого и безоговорочного подчинения. Усиливается также и степень эксплуатации отцовского образа. Если в университете Гарин предстает блестящим ученым и профессором, привлекает жертв в первую очередь через их нарциссическое желание принадлежать к элитарной группе «ученого-суперзвезды», через желание построить выдающуюся карьеру (образ отца также эксплуатируется, но менее явно), то в своей квазилуддитской секте Гарин – уже «отец» (так его называют члены общины), мудрец, знающий, как отринуть прошлое, и направляющий своих запутавшихся «детей» к «перерождению». Какого-либо, даже временного, улучшения его уровня психического функционирования, ослабления психопатологии не наблюдается. Сталкиваясь с реальностью и серьезными угрозами, такими как расследования его преступной деятельности в качестве ученого, профессора, лидера секты, Гарин неизменно компульсивно повторяет сюжет из своего детства – бесследно исчезает, так же как исчез его отец, чтобы скрыться от кредиторов.

На наш взгляд, в данной статье были представлены убедительные свидетельства того, что психоаналитические теории, в частности концепции Эриха Фромма, Герберта Розенфельда, Андре Грина, Отто Кернберга, Д. В. Винникотта, Хайнца Кохута, Анны Фрейд и других психоаналитиков, могут быть с успехом использованы для анализа личностей лидеров деструктивных культов. В качестве иллюстрации была предложена психоаналитическая концептуализация психопатологии Юрия Гарина, персонажа художественного романа «Риф» Алексея Поляринова. Стоит отметить, что специфика использования психоаналитической теории для анализа лидеров современных культов и отношений в культах, а также терапии жертв культов на текущий момент плохо изучена и требует

дальнейшего исследования. Психоаналитическая традиция способна стать платформой, позволяющей комплексно осмыслить феномен культа в современном обществе, интегрировать существующие знания и, что особенно важно, предложить осмысленный подход к психоаналитически ориентированной терапии жертв культов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поляринов А.* Риф, Москва: Эксмо», 2020.
2. *Chambers W.V., Langone M.D., Dole A.A., & Grice J.W.* (1994). The group psychological abuse scale: a measure of the varieties of cultic abuse. *Cultic Studies Journal*, 11, 88–117.
3. *Festinger Leon; Riecken Henry W; and Schachter Stanley* (1956). *When Prophecy Fails: A Social and Psychological Study of a Modern Group That Predicted the Destruction of the World.* New York: Harper & Row.
4. *Fromm E.* (1964). *The heart of man: Its genius for good and evil.* New York, NY: Harper & Row.
5. *Fromm E.* (1965). *Escape from freedom.* New York: Avon.
6. *Freud A.* (1966). *The ego and the mechanisms of defense.* New York: I.U.P., Inc.
7. *Goldberg L.* (1997). A psychoanalytic look at recovered memories, therapists, cult leaders, and undue influence. *Clinical Social Work Journal*, 25, 71–85.
8. *Goldner-Vukov M., & Moore L. J.* (2010). Malignant narcissism: From fairy tales to harsh reality. *Psychiatria Danubina*, 22(3), 392–405.
9. *Green A.* (1983). *Narcissisme de vie, narcissisme de mort.* Les editions de minuit.
10. *Hassan S.* (1988). *Combating Cult Mind Control.* Park Street Press, Rochester.
11. *Herman J.* (1992). *Trauma and recovery.* New York: Basic Books.
12. *Hochman J.* (1990). Miracle, mystery and authority: The triangle of cult indoctrination. *Psychiatric Annals*, 20(4), 179–187.
13. *Kernberg O.* (1976). *Object Relations Theory and Clinical Psychoanalysis.* New York: Jason Aronson, Inc.
14. *Kernberg O.* (1984). *Severe Personality Disorders.* New Haven, CT and London: Yale University Press.
15. *Kohut H.* (1976). Creativeness, charisma, group psychology. In P. Ornstein (Ed.), *The search for the self* (Vol. 2). Madison, WI: International Universities Press, Inc, 793–843.
16. *Lifton R.J.* (1987). *The future of immortality and other essays for a nuclear age.* New York: Basic Books.
17. *Pollock G. H.* (1978). Process and affect: Mourning and grief. *International Journal of Psycho-Analysis*, 59 (2–3), 255–276.
18. *Salande J.D., Perkins D.R.* (2011), *An Object Relations Approach to Cult Membership.* *American journal of psychotherapy*, Vol. 65, No. 4
19. *Shaw D.* (2003), *Traumatic Abuse in Cults: A Psychoanalytic Perspective.* *Cultic Studies Review*, 2(2), 101–129.

20. *Vaknin S.* (2016, November 2). Narcissistic and psychopathic leaders (article online). Healthy place. Retrieved from www.healthyplace.com/personality-disorders/malignant-self-love/narcissistic-leaders/
21. *Winnicott D. W.* (1960). «Ego distortion in terms of true and false self». *The Maturational Process and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development*. New York: International Universities Press, Inc: 140–57.
22. *Zeiders C.; Devlin P.* (2019). *Malignant Narcissism and Power: A Psychodynamic Exploration of Madness and Leadership*. Routledge.
23. *Zimbardo P. G.* (1997). What Messages are Behind Today's Cults. *American Psychological Association Monitor*, page 14.

A psychoanalytic conceptualization of destructive cult leader's psychopathology drawing on the case study of the character of novel «Reef» by Alexey Polyarinov

Yu. A. Kamaletdinov

Kamaletdinov Yury A., psychoanalytic psychotherapist, organizational consultant, Head of organizational design at "Polyus" Group of companies.

Leaders of destructive cults (sects), e.g. Charles Manson from the "Family" cult or Jim Jones from the "Peoples temple" cult, attract a lot of attention from the general audience and mass information medias, treating the stories of cults and their leaders as a sort of real thriller or horror films, as well as from psychologists and psychiatrists trying to analyze personalities of cult leaders, to conceptualize and to identify the roots of respective psychopathologies. This article attempts to examine the possibility to conceptualize the destructive cult leader's psychopathology through the lens of psychoanalytic theory with the use of concepts developed by Erich Fromm, Herbert Rosenfeld, Andre Green, Otto Kernberg, D.W. Winnicott, Heinz Kohut, Anna Freud and other well-known psychoanalysts, as well as observations and findings developed by cults researchers and therapists working with cults victims, such as Daniel Show, Steven Hassan, Philip Zimbardo, Mila Goldner-Vukov, L.J. Moore, and others. The possibility to apply psychoanalytic views to conceptualize the cult leader's psychopathology is illustrated by the analysis of personality of Yuriy Garin - character of the novel «Reef» by contemporary Russian writer Alexey Polyarinov. This article may be of interest for psychologists conducting research on the topic of cults, psychotherapists involved in the rehabilitation of cults' victims, students of psychological faculties or psychoanalytic institutes, as well as for general audience interested in the topic of cults.

Keywords: psychoanalysis, cult leader, destructive cult, sect, characterological pathology, malignant narcissism, destructive narcissism, pathological narcissism, false self, mind control.